

ЕРОФЕЙ ТРОФИМОВ

ПОЗЫВНОЙ
«ОБОРОТЕНЬ»

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т76

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Трофимов, Ерофей

Т76 Позывной «Оборотень» / Ерофей Трофимов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-158481-8

Цель оправдывает средства. Так говорили иезуиты. Но так ли это на самом деле? Что будет, если цель у амбициозных генералов и беспринципных учёных совпадает, и в эти жернова попадут те, для кого слова приказ и родина не пустой звук? Те, кто сделал целью своей жизни службу государству, и иной судьбы они не представляют? А значит, они пойдут до конца и сделают всё, чтобы защитить свою родную землю...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-158481-8

© Ерофей Трофимов, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

...Капитан поднял сжатый кулак, и вся группа ментально вжалась в колючую осеннюю траву. Не доверять чутью гончей, способной унюхать добычу за добрый десяток километров, было глупо. В гены командиров групп специально вживили гены ищеек и гончих. Они должны были не просто вести группу, но и отлично ориентироваться на любой местности.

Чуть высунувшись из-за дерева, капитан вытянул шею и принялся старательно ловить чуткими ноздрями верхний след. Фиксируя каждое его движение краем глаза, Никита внимательно всматривался в темнеющий лес. Полученный приказ был простым и понятным как перпендикуляр. Найти командный пункт войск противника и любой ценой уничтожить его. Слова «любой ценой» означали именно то, что и подразумевали.

Усталость, раны и даже собственные жизни должны быть положены на алтарь исполнения приказа. Бойцы группы давно уже привыкли к подобному отношению к ним со стороны командования. И вот теперь пришло их время. Сделать — или умереть. Третьего в их ситуации было не дано.

Додумать свою мысль Никита не успел. Капитан снова подал команду, взмахом руки поднимая группу, и бойцы бесшумными тенями скользнули под тень разлапистых елей. До мобильного командного пункта противника оставалось всего несколько километров,

когда вдруг в лесной тишине раздался оглушительный взрыв...

* * *

Вздвогнув, Никита открыл глаза и, резко сев, огляделся. Чувствуя, как что-то стекает по виску, он коснулся лица рукой и, удивлённо покосившись на собственные пальцы, вздохнул. Снова кошмар. Вот уже семь лет, как та никому не нужная война закончилась, а ему всё ещё снится тот безумный рейд. Почти каждую ночь он видит погибших друзей, с которыми ушёл на ту операцию, но так и не вернулся обратно. Как и никто из них.

Бросив короткий взгляд на часы, Никита поднялся с деревянного топчана, заменявшего ему кровать, и, выглянув в окно, удовлетворённо кивнул. До рассвета оставалось ещё несколько часов. Вполне достаточно, чтобы добраться до лагеря оккупантов и, поохотившись, вернуться обратно. Кошки ночные звери, так что это было его время. Скинув куртку и штаны, он босиком выбрался из подвала, служившего ему логовом, и, встав под лучи полной луны, приготовился.

Это было больно, но без этого ещё хуже. Он никогда не забывал, как всех, подвергнутых специальной обработке, вдруг начало ломать, словно наркоманов со стажем. Как болел каждый нерв, каждый сустав, требуя от сознания непонятно чего. Никто из них не понимал, что с ним происходит. Сосредоточившись на собственной боли, они рвали всё, что попадалось им под руку, мечтая только об одном — избавиться от этого ужаса.

В очередной раз вздрогнув от воспоминаний, он попытался отогнать ненужные сейчас мысли, но начавшаяся трансформация разом очистила мозг, заставив его выгнуться и глухо взвыть от боли. Тихо захрустели

сухожилия и суставы, руки неожиданно удлинились, а пальцы, укоротившись, оказались снабжёнными внушительными кривыми когтями.

Уши сместились к верхней части черепа, а обе челюсти выдalisь вперёд, отрастив внушительные клыки. Слух, нюх, зрение резко обострились, превратив его из человека в нечто человекоподобное и одновременно смертельно опасное. Теперь он превратился в идеальную машину для убийства. Медленно потянувшись, он тихо заурчал, быстро осваиваясь с новыми возможностями, и, пригнувшись, метнулся туда, где его ожидала добыча. Выскочив за границы развалин, некогда бывших городом, он скрылся в лесу.

Это открылось случайно, когда один из бойцов группы, не выдержав боли, кинулся на виновника всех их бед. Худой словно щепка, с длинным кривым носом и в очках в роговой оправе, этот закрытый для всех окружающих профессор внимательно наблюдал за их мучениями, старательно фиксируя каждое движение. И именно на него бросился вконец измученный боец, одним движением разбросав санитаров и пытаясь дотянуться до глотки профессора.

Дальше начался кровавый кошмар. Почуявшие свежую кровь бойцы легко рвали связывающие их ремни, устремляясь на оплошавших санитаров. Сам профессор, очевидно предполагая подобное развитие событий, держался за окном из пуленепробиваемого стекла, продолжая хладнокровно записывать каждое движение подопытных. Никита не помнил, в какой именно момент почувствовал на губах вкус человеческой крови, но, едва проглотив первые пару кусков ещё горячего мяса, неожиданно понял, что боль отошла.

Отступила, словно только затем, чтобы дать им осознать сделанное. Но остановиться они уже не могли. Потом были тошнота и раскаяние, но было и главное.

Боль ушла. Отступила, словно испугавшись их безумной ярости. Уже после выхода в поле, на проверку, он случайно узнал, что это было и как с ними поступили. То, что теперь он уже никогда не станет обычным человеком, не самое страшное. Страшнее было то, что он не мог не охотиться. Живая, горячая человеческая кровь и плоть стали неотъемлемой частью его жизни.

Бесшумно несясь по лесу, он успевал замечать всё, что происходило вокруг. Но животные его не интересовали. Такую добычу он оставлял на крайний случай. Главной же составляющей его диеты были люди. Солдаты противника, обосновавшиеся на оккупированной территории России. И хотя военные действия уже закончились, а в спор вступили политики, здесь, у дальневосточной границы всё было по-прежнему.

Чудом выжившие в кровавой мясорубке люди бежали на запад, пытаясь добраться до больших мегаполисов и найти там хоть какую-то защиту. Избавившись от ненужных людей, оккупанты принялись обживать захваченные территории, не обращая внимания на политические баталии и споры правителей. Только несколько сотен отчаянных сорвиголов и таких, как Никита, потерявших в этой круговерти солдат продолжали упрямо жить здесь, пытаясь хоть как-то противостоять противнику.

Эта горстка безумцев не могла победить, но они смогли заставить оккупантов бояться себя. Каждое поселение, оказавшееся в руках врага, очень быстро превращалось в настоящую крепость, из-за стен которой они просто боялись высунуться. Даже днём они старались держаться так, чтобы постоянно быть под прикрытием автоматов, с которыми не расставались солдаты. Но даже постоянное прикрытие не спасало их.

Одним из тех, кто умел пробираться мимо вооружённого караула, и был Никита. Именно туда он теперь

и стремился, чтобы поохотиться, а заодно и ещё раз навести ужас на врага. Только это ему теперь и осталось. С того памятного дня, когда он, истерзанный, покрытый коркой запёкшейся крови, кое-как дополз до крошечного ручья и, едва успев напиться, потерял сознание, он перестал существовать.

Командование списало их группу, даже не удосужившись убедиться, что бойцы действительно погибли. По большому счёту их списали ещё до того, как они покинули испытательный полигон, на котором проходили обучение в использовании своих новых способностей. В слухи о попытках создать суперсолдата Никита никогда не верил. Но когда понял, что сделали с ним и его сослуживцами, с ужасом осознал, что слухи оказались правдой.

Продолжая бесшумно скользить по ночному лесу, Никита вспоминал всё, что случилось с ним за прошедшие годы. Это началось, когда весь Ближний Восток вспыхнул, охваченный странными революционными движениями. Те, кто инициировал этот спектакль, упорно, не скрываясь, рвались к власти, очень ловко играя на чувствах простых людей. Безработица, бытовая неустроенность и тому подобные социальные проблемы стали благодатной почвой для ростков недовольства властью.

Пользуясь неразберихой на Востоке, оживились различные экстремисты, фашисты и тому подобные отбросы, мечтавшие поживиться за чужой счёт. Теперь уже на Дальнем Востоке. Споры за территории с Японией и Китаем привели к открытому вооружённому противостоянию. Сильная Россия была никому не нужна, и западные ловкачи принялись старательно нагнетать обстановку, провоцируя вооружённый конфликт.

Давно уже беспокойный Кавказ, который будоражили всё те же фанатики, что подняли Ближний

Восток, получившие очередную поддержку от своих хозяев, превратился в бурлящий котёл. Пользуясь тем, что среди силовых структур наметились серьёзные перемены, и многие сотрудники, не уверенные в своём будущем, работали спустя рукава, лихорадочно пытаются найти себе запасной аэродром, они организовали десятки террористических актов, доведя мирное население до истерики.

Последней каплей стало откровенное нападение японских военных моряков на российские рыболовецкие суда, базировавшиеся на Южных Курилах. Несколько сейнеров были арестованы, а два просто потоплены. Понимая, что дипломатия больше не работает, правительство России направило к месту боестолкновения пару своих судов с батальоном морской пехоты на борту. Но упрямые потомки самураев не отступили. Это стало началом того, что теперь многие называют Третьей мировой войной.

К вящему удивлению всех обитателей Земли, никто из правителей не решился нажать на красную кнопку, хотя большая часть населения планеты открыто готовилась к вселенскому ядерному апокалипсису. Именно тогда их группу, являвшуюся элитой вооружённых сил, так называемых «аквариумных», в срочном порядке вывезли в тайную лабораторию.

Правительству нужны были солдаты, способные справиться с любой, самой невыполнимой задачей. И поэтому было решено использовать экспериментальную вакцину, разработанную в одной из секретных лабораторий. Что это такое и что с ними будет, им даже не удосужились сообщить. Только после того, как двое санитаров были съедены живьём, тощий профессор с кривой ухмылкой в двух словах объяснил, что им ввели адаптированные гены хищных животных, для усиления их собственных физических данных.

Услышав такую новость, Никита смог только растерянно усмехнуться и громко спросить:

— Мы что, в фильме ужасов снимаемся?

Сидевшие в соседних отсеках бойцы дружно закивали головами. Поверить в такое, будучи в трезвом состоянии, был более чем сложно. Но, вспомнив, что они сотворили буквально пару дней назад, дружно замолчали. Презрительно усмехнувшись, профессор поправил очки и, сложив перед грудью кончики пальцев, ответил:

— Это не фильм ужасов, молодой человек. Это последнее слово в современной науке. Каждый из вас получил дозу вакцины, несущей в себе адаптированные к организму человека гены хищных животных. И теперь, благодаря этим генам, вы сможете делать то, что недоступно другим. Впрочем, кое в чём вы уже успели убедиться и сами.

— Но зачем нам всё это? Нас столько лет специально готовили, а теперь получается, что всё напрасно? — не удержался капитан.

— Это не так. Например, вам, капитан, ввели гены афганской борзой. И прежде чем вы начнёте смеяться, скажу, что эти собаки были выведены специально для охоты на волков. Её нюх превышает нюх любой обычной собаки, а это значит, что, ведя группу, вы сможете найти нужный объект по запаху. Кроме того, бегать вы теперь все будете значительно быстрее и дольше, чем раньше.

— Вы в этом уверены? — не удержался от сарказма Никита.

— Я это знаю, молодой человек, — заявил профессор с таким видом, словно разговаривал со слабоумным. — Лично вам ввели гены барса, а это значит, что все ваши реакции будут во много раз быстрее и точнее. Вы легко сможете ориентироваться в темноте

и преодолевать сложные препятствия. Имейте в виду, у каждого из вас свой набор генов. От разных животных. Таким образом, после наблюдения за вами мы сможем отобрать наиболее эффективный вид животных и вакцинировать нужное количество солдат. Если вы заметили, то на руке у каждого из вас есть специальная пометка с номером вакцины.

— Выходит, вместо того чтобы решать боевые задачи, мы будем вынуждены сидеть в тылу и удовлетворять ваши амбиции? — мрачно спросил командир группы.

— Да что бы вы понимали в амбициях, солдафон! — неожиданно выскочил профессор. — Вы будете сидеть здесь столько, сколько мне потребуется, подопытное мясо.

Это уже было слишком. Пятнадцать озверевших бойцов дружно напряглись, с глухим рычанием пытаются вырваться из опутывавших их ремней. Сообразив, что перегнул палку, профессор ловко отступил к дверям, не сводя с группы настороженного взгляда. Обстановку разрядил прямой командир группы, полковник ГРУ, из-за тяжёлого ранения переведённый на бумажную работу. Моментально уловив, что станет с ведущим специалистом проекта, если хоть один боец сумеет вырваться, он громовым голосом призвал подчинённых к порядку, выступив вперёд.

Проводив профессора ненавидящими взглядами, бойцы всё так же молча повернулись к командиру. Понимая, что должен что-то им сказать, полковник опустил голову и, помолчав, глухо произнёс:

— Простите меня, мужики. Бог свидетель, не знал я, что они задумали. Приказали собрать вас здесь и обеспечить полное содействие этому глисту.

— За что с нами так, командир? — растерянно спросил капитан. — Мы же боевая группа, а не подопыт-

ные кролики. Мы же диверсанты и можем большой урон противнику нанести, а нас, словно кутят слепых, в клетку.

— Знаю, мужики. Всё знаю. Думаете, мне самому это нравится? Да только приказы не обсуждают. Там, наверху, кто-то решил, что первыми в этом эксперименте должны быть вы. Так что, если вздумаете кому-то мстить, так далеко за кандидатурой ходить не надо. Вот он я.

— Ты чего, командир? — не понял его слов капитан.

По неписаному правилу спецподразделений, говоря с группой с глазу на глаз, командир становился равным каждому из бойцов. Все они были офицерами и отлично понимали, что в любой момент могут не вернуться с задания. Потому и разговор у них сейчас был особый. Откровенный. Тяжёлый. Посмотрев на капитана долгим, мрачным взглядом, полковник неопределённо пожал плечами и, вздохнув, ответил:

— В общем, я в личной беседе с замначштаба сказал, что если хоть один из вас в процессе этих опытов погибнет, я этого глиста собственными руками удавлю, а потом застрелюсь. Как командир группы, не сумевший спасти своих подчинённых от глупой гибели.

— Не глупи, командир. Вот-вот третий фронт откроется. Не хватало ещё, чтобы тебя как дезертира по-смертно судили, — ответил капитан, делая очередную попытку подняться со своей койки.

— Плевать. Они эту дрянь даже на мышах толком не проверили, решили сразу вам вводить. Так что я ко всему готов.

— Теперь мы тоже. Всё равно после такого жить страшно, — грустно улыбнулся капитан, оглядываясь на сослуживцев, многих из которых знал ещё со студенческой скамьи.

Кивнув, полковник молча вышел из отведённой им для проживания лаборатории. Впрочем, с таким же успехом это помещение можно было бы назвать и прозекторской. Большое квадратное помещение, отделанное белым кафелем от пола до самого потолка. Стоявшие в один ряд узкие койки, на которых и лежали привязанные к ним бойцы. У каждой койки металлическая этажерка с приборами контроля состояния пациента.

Только одна стена лаборатории имела большое окно с пуленепробиваемым стеклом и дверь, ведущую в коридор, запиравшуюся на электронный замок. Все остальные стены были глухими. Даже нужду бойцы вынуждены были справлять, не вставая с коек. После нападения на санитаров их жёстко зафиксировали, используя металлические ошейники и такие же пояса с короткими цепями, крепившимися к койкам. Если из наручников и мягких ремней бойцы умели выпутываться, то из ошейника вырваться уже никому не удастся.

Добравшись до границы поселения, Никита очнулся от воспоминаний и, замерев в густом кустарнике, всмотрелся в территорию, окружённую колючей проволокой. Несмотря на свою малочисленность, отчаянные сорвиголовы смогли заставить оккупантов уважать себя. Каждое поселение было обнесено забором из колючей проволоки и минными полями, на которых сотнями высевали с вертолётов противопехотные мины.

Презрительно фыркнув, Никита старательно принюхался и решительно скользнул вдоль забора, ближе к выходу из города. Несмотря на все ухищрения противника, проникнуть в любое поселение для него не составляло труда. Дороги, на которых стояли обычные вооружённые посты, канализация, реки, всё это сложно было контролировать и невозможно закрыть полностью.

Но сегодня лезть под землю ему совсем не хотелось. Подобравшись к блокпосту, Никита присел за поваленным деревом и принялся высматривать очередную жертву. Ему было всё равно, кто это будет. Солдат, гражданский, мужчина, женщина, все они были врагами, пришедшими на его землю, и все они должны были уйти или умереть.

Два прожектора ярко освещали площадку перед воротами в город. Трое караульных стояли на улице, сжимая в руках автоматические винтовки и настороженно всматриваясь в ночную тьму. Принюхавшись, Никита услышал запах ещё четверых, тихо сидевших в крошечной караулке за воротами. Сейчас он был больше зверем, чем человеком, но это не мешало ему правильно оценивать свои силы и использовать весь свой боевой опыт.

Подобрав тяжёлый булыжник, Никита как следует размахнулся и запустил его по высокой дуге за спину противнику. Стук упавшего камня прозвучал в ночной тишине, словно гром. Дружно вздрогнув, караульные оглянулись, тихо окрикивая того, кто, по их мнению, решился нарушить режим комендантского часа. Услышав окрик, из караулки выскочили остальные.

Чуть слышно фыркнув, Никита поздравил себя с правильностью своей догадки. Их действительно оказалось четверо. Семь солдат против одного элитного бойца, не самый плохой расклад. Бывало и хуже. Подобрав ещё один камень, он запустил его через забор, стараясь забросить в сторону от того места, где раздаётся грохот в первый раз.

И без того напуганные солдаты дружно защёлкали затворами, разом забыв про внешнюю опасность и сосредоточившись на том, что угрожает им со стороны города. Именно этого Никита и добивался. Стремительно метнувшись через освещённую площадку, он одним